

После долгого пути наконец прибыли в Дом Сюй. В этот раз у молодого господина была комната с внутренним и внешним помещением. Хуа Чжаошуй, устроив вещи, всю дорогу боялся, что его бросят, и думал, что нужно сначала угодить молодому господину.

Нервно подойдя, он налил чай и спросил:

— Молодой господин, мне, как и дома, спать в наружном помещении?

Шэн Цзяньвэй посмотрел на него и сказал:

— А иначе? Где ты хочешь спать?

Хуа Чжаошуй почувствовал необычность этого вопроса и, помедлив, произнес:

— Молодой господин, вам все еще нужно, чтобы я грел вашу постель?

Сказав это, он почувствовал, что что-то не так, и, еще больше нервничая, уже собирался извиниться, как вдруг молодой господин рассмеялся:

— Что, на моей постели спится слаще?

Хуа Чжаошуй, почувствовав облегчение, ответил:

— Постель молодого господина действительно мягче моей.

— Только это?

Хуа Чжаошуй, чуть не запнувшись от напряжения, поспешно добавил:

— И теплее.

Угрюмое выражение лица Шэн Цзяньвэй наконец исчезло, и он, казалось, был в хорошем настроении, сказав легким тоном:

— Говоришь, что будешь греть постель молодому господину, а сам каждый раз засыпаешь в уголку. Не очень-то стараешься.

Хуа Чжаошуй ответил:

— Постель молодого господина такая мягкая, как ляжешь — сразу хочется спать.

— Тогда сегодня не смей засыпать раньше меня, — встал Шэн Цзяньвэй. — Иди помоги мне переодеться, скоро на банкет.

Хуа Чжаошуй поспешил взять одежду, думая, что, судя по словам молодого господина, он все еще будет спать с ним. Он вздохнул с облегчением: пока он не будет ночевать с красавицей, вероятность того, что молодой господин приведет кого-то с собой, будет меньше.

Вскоре переодевшись, Хуа Чжаошуй завязал пояс и сказал:

— Молодой господин, готово.

Шэн Цзяньвэй вдруг ущипнул его за щеку:

— Так рад, что будешь спать со мной?

Хуа Чжаошуй вздрогнул, возможно, его радость была слишком заметна. Он посмотрел в глаза молодому господину и, видя, что тот не сердится, невнятно пробормотал:

— Я видел, что молодой господин всю дорогу меня игнорировал, и думал, что я вас раздражаю. Но теперь вы все еще позволяете мне греть вашу постель, мне, конечно, радостно.

Молодой господин окончательно развеселился, отпустил его и, словно в награду, погладил по голове:

— Будешь послушным мальчиком, молодой господин, конечно, будет тебя жалеть.

Хуа Чжаошуй подумал: «Разве я недостаточно послушен? Это ты просто капризный».

Но на его лице было радостное выражение, и он сказал:

— Молодой господин всегда меня жалел.

Шэн Цзяньвэй вышел и вдруг спросил:

— Давно не пел?

Хуа Чжаошуй, идущий за ним, почувствовал вину. Он не только не пел, но и не тренировал голос, и теперь явно отстал. Он неуверенно ответил:

— Уже полмесяца...

Шэн Цзяньвэй спросил:

— Тогда сможешь спеть вечером?

Хуа Чжаошуй ахнул:

— Молодой господин, это на банкете петь?

Шэн Цзяньвэй кивнул, повернулся и, указывая на него веером, сказал:

— Пой хорошо, не позорь молодого господина.

Хуа Чжаошуй, чувствуя себя совершенно неуверенно, слабым голосом спросил:

— А... что, если я спою плохо?

Шэн Цзяньвэй улыбнулся ему:

— Угадай.

Хуа Чжаошуй чуть не заплакал, думая: «Раньше ты не позволял мне петь, а теперь заставляешь петь на людях. Если я провалюсь, меня сразу выгонят?»

Он, идя сзади, тихо умолял:

— Молодой господин, я постараюсь изо всех сил, но я давно не пел. Если вы останетесь недовольны, не могли бы вы простить меня в этот раз?

Шэн Цзяньвэй шлепнул его по лбу, когда тот подался вперед, но не ответил.

Хуа Чжаошуй, сев в карету, все еще был в тревоге. Он не был так напряжен с первого выхода на сцену. Не выдержав, он спросил:

— Молодой господин, что со мной будет, если я спою плохо?

Шэн Цзяньвэй подозвал его пальцем, но Хуа Чжаошуй, помня прошлый раз, осторожно прикрыл голову и подошел.

Но не избежал — на этот раз его ущипнули за щеку.

Хуа Чжаошуй, скрывая гнев, потер щеку и с надеждой ждал ответа.

Шэн Цзяньвэй, задумавшись, сказал:

— Если споешь плохо, отдам тебя господину Сюй. Пойдешь служить ему в будущем. Как тебе?

— Молодой господин, ну зачем же так, — Хуа Чжаошуй, скорчившись, схватил его за рукав, умоляя. — Не отдавайте меня другому, умоляю вас, молодой господин.

Шэн Цзяньвэй, улыбаясь, шлепнул его по щеке:

— Раньше же ты совсем не хотел приходить ко мне служить. Теперь, когда не нужно служить, почему же не рад?

Хуа Чжаошуй поспешно ответил:

— Ну тогда... я ведь не знал, какой вы хороший! Это все слухи виноваты!

— Опять на слухи сваливаешь?

— Нет! Виноват я сам! Не надо было слушать чушь!

Шэн Цзяньвэй, глядя на его тревожное выражение, снова ущипнул его за щеку и медленно сказал:

— Хватит выражать преданность, думай лучше, что споешь через некоторое время.

Хуа Чжаошуй, уныло сев, начал бормотать, вспоминая слова песни.

Он всю дорогу нервничал, но, прибыв на место, молодой господин был занят выпивкой и разговорами, и на него даже не взглянули. Красавицы, умеющие петь и танцевать, отвлекали все внимание, и молодой господин не удостоил его взглядом.

Хуа Чжаошуй, видя, что тот веселится, тихо вышел и сразу встретил Сяо Ба, обрадовавшись:

— Ты тоже здесь!

Сяо Ба, болтая с кем-то, увидел его и улыбнулся, достал два кусочка солодового сахара и сказал:

— Почему не внутри, служишь?

Хуа Чжаошуй поблагодарил, съел одну и, жуя, сказал:

— Молодой господин сейчас смотрит на красавиц и веселится, я ему совсем не нужен.

Сяо Ба толкнул его локтем:

— Тем лучше, не под боком — не отругают.

Хуа Чжаошуй заглянул в комнату, увидев только танцовщиц, и, опустив голову, мрачно сказал:

— Наш молодой господин по дороге пугал меня, велел петь песню, а если спою плохо — отдаст другому. А в итоге приехал и на меня даже не смотрит. Я зря нервничал всю дорогу.

— Почему ты веришь таким словам? — Сяо Ба, смеясь, дал ему еще две кусочка сахара. — Кто же заставит своего слугу петь песни перед другими людьми? Это же позорить себя.

— Правда? — Хуа Чжаошуй не взял больше сахара. — Если много съесть, горло заболит. Не буду.

Сяо Ба убрал сахар и спросил:

— Ты еще и уметь песни петь? Неудивительно, что молодой господин Шэн тебя любит.

Хуа Чжаошуй, прислонившись к перилам, сказал:

— Я домашний актер, приставленный служить в комнатах молодого господина. Он меня совсем не любит, вечно пугает. Наверное, потому что я в начале не хотел служить ему, он так мне мстит.

Сяо Ба ахнул:

— Я думаю, при характере молодого господина Шэна, если бы он действительно заботился о том, о чем ты говоришь, он бы просто выгнал тебя или отправил на тяжелые работы. Зачем держать перед глазами, чтобы себе нервы трепать?

Хуа Чжаошуй почувствовал, что он прав, но все равно был не в духе, лениво съел сахар и спросил:

— Господин Сюй всегда берет тебя с собой? Всегда так скучно?

Сяо Ба grinned at him:

— Я привык. Но если тебе правда скучно, пойдем туда, оттуда видно фейерверк.

Хуа Чжаошуй теперь чувствовал, что что угодно лучше, чем стоять у двери и слушать музыку внутри, и пошел с ним. Это была беседка на высоком здании, идеальная для любования луной в середине осени.

Подойдя, они увидели нескольких слуг, играющих в карты. Хуа Чжаошуй посмотрел на Сяо Ба:

— Это тоже ваши?

— Некоторые наши, некоторые нет. В любом случае, все вышли с хозяевами, делать нечего, вот и играют в карты. Ничего страшного.

Хуа Чжаошуй сказал «ох», поднял голову и действительно увидел фейерверки вдалеке. Посмотрев немного, он сказал:

— У вас не запрещено играть на деньги? У нас на родине, если кто-то осмелится играть на деньги, его выгонят.

Сяо Ба ахнул, почесал затылок и сказал:

— Мы тоже не играем на деньги. Смотри, просто так играем.

Он посмотрел туда и увидел, что у некоторых на лицах были наклеены белые бумажки. Он рассмеялся и сказал:

— Вы умеете развлекаться.

Сяо Ба сказал:

— Хочешь поиграть? Не волнуйся, правда, не на деньги.

<http://bllate.org/book/16756/1562807>